

«Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: "Господин! Ты молитву (совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я - три раза. Я - чужестранец, а ты - здешний)". Он же мне говорит: "Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь". И я сильно задумался и сказал себе: "Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже- вседержитель, творец неба и земли! Не отвори лица от рабства твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! <...> Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу). Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой» [7: 120].

В этом фрагменте можно отследить, насколько неразрывно связаны в художественном тексте нарративные элементы с двоякой событийностью и элементы с редуцированной референтной событийностью.

Подводя итог, мы хотели бы отметить, что при создании произведения очень многое зависит от избранной автором коммуникативной стратегии, в зависимости от которой один и тот же отрезок жизни может получать весьма различное освещение. Сложная многоуровневая нарратологическая структура «Хождения за три моря» не только и не сколько является для читателя источником исторического знания, сколько демонстрирует уникальный писательский талант Афанасия Никитина, способного на практике при написании текста показать взаимодополнительность процессуальности и событийности бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. Т.1. – М., 1998 – С. 140–152.
3. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. – М. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 313 с.
4. Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия для студентов / Авт.-сост. Н.Д. Тамарченко. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 467 с.
5. Тюпа В. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2002. – Вып. 5. – С. 5–31.
6. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002 – 528 с.
7. Хождение за три моря Афанасия Никитина. – Тверь, 2003. – 166 с.
8. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Ю.В. Федурко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА

В процессе идентификации происходит взаимовлияние слова на человека и человека на слово. Без взаимодействия концептуальной системы индивида и слова последнее остается лишь набором звуков или букв. В современной психолингвистике знание, принадлежащее индивиду, трактуется как *живое знание*; вслед за В.П. Зинченко оно рассматривается как функциональный орган, который постоянно строится мыслящим субъектом, погруженным в деятельность [11; 12].

В.И. Аршинов считает знание активным постижением познаваемых вещей, действием, требующим особого искусства. Акт познания осуществляется посред-

ством упорядочения ряда предметов, которые используются как инструменты или ориентиры, и оформления их в искусный результат, теоретический или практический. Этот исследователь говорит о необходимости обращения внимания на «... мир неявного, неявленного, молчаливого, невыговоренного, неартикулированного знания» [1]. Это знание, реализуемое в действии человека как мыслящего, ощущающего, чувствующего и переживающего существа. Это знание-навык, знание-мастерство, знание-искусство, а в науке – прежде всего знание как искусство познавать. Оно самоорганизовано в форме открытого, незавершенного гештальта [Ibid]. По сути, этот исследователь также затронул тему живого знания.

В работе [5] указывается на недостаточность выделения лишь коллективного и индивидуального типов знания, и подчеркивается необходимость учета неоднородности коллективного знания [5: 123]. Так, совокупное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной этнокультурной общности по законам психической деятельности и взаимодействий в сверхбольших системах (К31), включает в себя определенную часть знания, зарегистрированного в продуктах человеческой деятельности людей (К32). Под индивидуальным же знанием (ИЗ) подразумевается знание, формирующееся по законам психической деятельности в сознании индивида, в составе ИЗ выделяется личностное знание (ЛЗ), обладающее специфическим для каждого конкретного индивида содержанием [Ibid].

Коллективное знание складывается из конечных продуктов или результатов коллективного опыта, что и создает его общность и понятность для всех. Такая система значений, принятая «по уговору», является лишь медиатором, обеспечивающим выход индивида на его образ мира, который формируется в разностороннем и многомерном личном опыте, вне которого никакой социально принятый знак не может функционировать как достояние индивида [9]. Для индивидуального знания же характерна не статичность, а динамичность. «Субъект не извлекает знания из неких статичных хранилищ, где они складированы в неизменном виде. Опыт, прошлое знание существуют в контексте настоящего, мотивов, целей, задач, стоящих перед субъектом» [13]. Поэтому значение языковой единицы неразрывно связано с содержанием сознания каждого отдельного индивида.

По мнению А.А. Залевской, значение представляет собой «... процесс соотношения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью единиц глубинного яруса лексикона, отражающей многогранный опыт взаимодействия индивида с окружающим миром» [10: 107].

А.А. Залевская отмечает необходимость последовательно разграничения двух видов значения: *общественного значения слова*, которое представляет собой знание того, что носители соответствующего языка должны (по уговору) понимать под тем или иным словом, и *психологического значения слова*, которое обеспечивает соотношение общесистемного значения с индивидуальной картиной мира, т.е. переживания слова как понятого, установления его значения «для самого себя». К числу ведущих направлений при выявлении и описании значения как достояния индивида относятся следующие подходы: *ассоциативный* (анализ ассоциативных связей), *параметрический* (разложение слова на ряд составляющих, степень выраженности которых поддается количественному измерению), *признаковый* (рассмотрение признака как исходного строительного материала различных форм репрезентации значений), *прототипный* (признается типичность некоторого сочетания признаков и степени их значимости для отнесения объекта к определенной категории), *ситуационный* (реализация значения через включение его в некоторую

более объемную единицу – фрейм, схему и т.д.). Все подходы нацелены на выяснение того, что знает человек, когда он знает (или думает, что знает) слово, на чем базируется переживание слова как знакомого (подробнее: [6]). В структуре значения есть следы и индивидуального опыта индивида (значимые и самые выдающиеся для отдельного человека признаки), и коллективного опыта, зафиксированные в толковых словарях, следы знаний как процедурных, так и декларативных. При этом вес процедурных знаний в структуре значения достаточно высок.

И.Н. Горелов и В.Ф. Енгальчев говорят о том, что многие вещи мы знаем лишь по внешнему виду или по функции, но не знаем для этого предмета точного названия. По мнению авторов, это означает, что мы познали вещь лишь в той мере, в которой она нам нужна. Иногда бывает наоборот, когда есть иллюзия знания: есть слово, но при нем нет подлинного значения [3: 52].

В.А. Пищальникова предлагает схему значения, которое трактуется как *устойчивая, но внутренне (принципиально) динамичная структура, реализующая определенный способ познания действительности, дискретизованную определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его* [14: 30]. Исследователь считает наиболее стабильным компонентом этой системы именно акустический образ слова; в качестве других составляющих рассматриваются: *«единство когнитивной структуры, соответствующее способу познания данной категории (класса) реалий, и актуального когнитивного признака, определяющего процесс смыслопорождения (смысл); мотивационно-эмоциональный компонент; вербально-авербальный компонент, представляющий собой единство невербальных и вербальных ассоциаций, ассоциативная структура, которая является базой интерпретации всех других компонентов* [Ор. cit.: 30–31].

Автор особо подчеркивает, что внутренняя взаимосвязь акустического образа, мотива, когнитивного способа категоризации и вербальных ассоциаций представляет собой значение как стабильно-нестабильную когнитивную структуру смыслопорождения, а связь внешних по отношению к ней компонентов – акустической оболочки, эмоции, актуализированного когнитивного признака (смысла) и вербальных ассоциаций с ними образует «смысл как структуру актуального содержания в данном процессе речепорождения» [14: 31].

По мнению В.А. Пищальниковой, такая трактовка значения дает возможность разграничить понимание, осмысление и интерпретацию. Понимание в данном контексте будет являться установлением знаковой связи между комплексом «акустическая оболочка – акустический образ» и актуализированным компонентом когнитивной структуры. Осмысление предполагает «интериоризацию всей структуры значения», а интерпретация – «рефлексию над осмыслением» [Ор. cit.: 32]. При этом не исключается тот факт, что интерпретация может быть как истинная, так и ложная [Ор. cit.: 72].

Пытаясь объяснить природу формирования, организации и функционирования значений слов как достояния индивида, антрополог К.Харди разработала концепцию семантических констелляций, специализированных сетей, которые объединяют и организуют все связанное между собой в опыте индивида, интегрируют широкий набор взаимопереплетенных ощущений и переживаний, осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов, различных паттернов поведения. Ни один концепт не может иметь одного значения для двух разных людей, независимо от того, что существуют принятые нормы. Значения формируются и переформируются для каждой новой коммуникативной ситуации (цит. по: [7]).

Положения данной теории созвучны положениям лингвосинергетического направления, в рамках которого утверждается, что континуальные смыслы, фиксируемые лексическими единицами в речевой деятельности, обнаруживают несоответствие их содержания с языковыми значениями, традиционно включаемыми в соответствующие семантические поля. Континуальность личностного смысла вызывает широкое разнообразие возможных репрезентаций тех представлений и эмоций, которые ассоциативно и опосредованно связываются с определенными лексемами, структурирующими семантические поля [2: 53].

Таким образом, благодаря постоянному взаимодействию коллективного и индивидуального знания в сознании индивида, слово является одновременно и средством выхода на индивидуальную картину мира, и средством соотнесения различных индивидуальных картин мира различных индивидов в процессе социального взаимодействия.

В центре внимания когнитивных лингвистов также находится проблема соотношения индивидуального и коллективного, однако рассматривается она в связи с теорией коммуникации. Л.С. Гуревич говорит о необходимости обращения особого внимания на метакоммуникацию, т.е. на то, что лежит за сообщением, на то, что чувствует, видит, слышит и думает получатель сообщения в процессе осмысления того, что он воспринимает. В данной связи автор считает ключевым термином «когнитивное пространство». Автор на основе синтеза и анализа существующих на настоящий момент определений когнитивного пространства приходит к выводу, что наименее противоречивым будет следующее: «... объем всевозможных форм познавательного отражения действительности, включая Я-субъект, «человека познающего», механизмы познания и инструмент познания – ментальную деятельность индивида» [4: 33]. Когнитивное пространство может быть как индивидуальным, так и коллективным. Под индивидуальным когнитивным пространством понимается когнитивное пространство, присущее отдельному индивиду – участнику коммуникативной ситуации; под коллективным когнитивным пространством понимается когнитивное пространство, присущее определенному языковому сообществу – отражение денотативного пространства (всего множества объектов восприятия) в коллективном сознании [4].

Когнитивное пространство представляет собой сложное образование, которое включает в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические конститuentы, находящиеся в постоянных связях и отношениях, которые трудно верифицировать [4: 33].

В процессе восприятия определенного объекта, (который имеет в коллективном когнитивном пространстве соответствие в виде понятия или сигнификата), индивид как носитель определенного коллективного сознания с одной стороны, и обладатель уникального индивидуального когнитивного пространства, с другой стороны, строит свой ментальный образ (визуальный, графический, акустический и т.п.) этого воспринимаемого объекта, который может не совпадать с тем образом (визуальным, графическим, акустическим), который закреплен за этим объектом в коллективном сознании.

В русле когнитивной лингвистики также рассматривается вопрос о том, как пересекаются невидимые концептуальные поля и какие механизмы и операции обеспечивают взаимопонимание между людьми. Особого внимания заслуживают идеи Ж. Фоконье и М. Тернера. Центральным для обсуждаемой концепции является понятие *conceptual blending*, трактующееся как концептуальная интеграция

или концептуальное слияние/сращение/пересечение и являющееся базовой ментальной операцией. В данный процесс вовлечены обширные сети значений. Концептуальная интеграция обычно включает некоторое интегрированное ментальное пространство, по меньшей мере, два входных ментальных пространства и пространство общих для них элементов ([17; 18; 19], также см. обсуждение в [8]). При этом ментальное пространство трактуется как «некая совокупность субъективных возможностей отражения, в границах которых реализуются мысленные передвижения» [15: 104]. Благодаря уникальному наполнению концептуальной системы каждого индивида, реализуется некоторое фиксированное образование, которое понятно для определенного индивидуального сознания и обеспечивает возможность получения и преобразования информации. Ментальные структуры составляют любой индивидуальный и коллективный опыт индивида [Ibid]. Из двух или более входных ментальных пространств и обобщающей структуры образуется новое пространство – сращение. Сращение действует на базе всего богатства нашего физического и ментального миров. Динамическая сеть связей между сращением и входными пространствами остается неосознаваемой.

Некоторые субъективные дефиниции на незнакомое слово можно объяснить, используя упомянутую выше теорию Ж. Тернера и М. Фоконье. В результате сотрудничества двух параметров порядка (опорных элементов) образуется два входных пространства, которые, после их слияния (blending), на выходе, дают дефиниции. Рассмотрим примеры из нашего диссертационного исследования, которые иллюстрируют описанную выше модель. Входные пространства 1 и 2 в структуре стимула и реакции выделены жирным шрифтом (1) и подчеркиванием (2):

ТАКСИДЕРМИСТ – врач, занимающийся вопросами того, как **токсичные вещества** сказываются на коже; **дерматолог** у **таксиста**, **водитель** дерматолога; **кожная** болезнь, связанная с работой **таксиста**; **человек**, **перевозящий** дерматолога, **выездной** дерматолог. **АВТО**КЕФАЛИЯ – **автоматическая** кефаль; **автомобиль**, **нагруженный** кефалью, **рыба** с **моторчиком** [16: 116].

Значение слова в индивидуальном лексиконе человека постоянно меняется: оно может как получать какие-то новые оттенки смыслов, так и лишаться их. Эмоционально-оценочные характеристики слова могут кардинально изменяться. Эти утверждения говорят о том, что значение слова в сознании индивида живет и развивается. Таким образом, взаимодействие различных типов знаний играет важнейшую роль в процессе идентификации незнакомого слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки (глава 1) <<http://www.philosophy.ru/iphras/library/arshinov/glava1.html>>
2. Босова Л.М., Герман И.А. Перспективы использования полевой модели в современной лингвистике // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С.52–57.
3. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 240 с.
4. Гуревич Л.С. Метакоммуникативные предикаты через призму когнитивного пространства коммуниканта // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – №2. – С.32–38.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 136 с.

6. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: Формирование и функционирование. – М.: Изд-во Института языкознания РАН, 1998. – С.35–55.
7. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь: Твер.гос. ун-т, 2002. – С.5–18.
8. Залевская А.А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 2. – С.56–71.
9. Залевская А.А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С.49–61.
10. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
11. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. – М.: Новая школа, 1997. – 366 с.
12. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое знание. – Самара: «Самарский Дом печати», 1998. – 296 с.
13. Петренко В.Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта / Дополнительный материал к докладу на Междисциплинарном семинаре «Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта» 5 октября 2005 г. <http://scm.aintell.ru/S/s5_1p.htm>
14. Пищальникова В.А. Общее языкознание: Учеб. пособие. – М.: МГЭИ, 2003. – 212 с.
15. Рогожникова Т.М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики // Слово и текст: психолингвистический подход. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С.102–112.
16. Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 177 с.
17. Fauconnier G. Meanings in thought and language. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
18. Fauconnier G. & Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. – New York: Basic Books, 2002. – 464 p.
19. Turner M. & Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor & Symbolic Activity, 1995. – Vol.10. – № 3. – Pp.183–204.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гирнык А.В. КОНЦЕПТ КАК «КОНСТЕЛЛЯЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ» В ТРАКТОВКЕ К. ХАРДИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУСЛЕ ТЕОРИИ САМООРГАНИЗАЦИИ. Кратко освещаются основные положения теории самоорганизации и концепции «семантических констелляций» К. Харди, построенной на основе ключевых понятий теорий сложности и хаоса и идеи синергии. Теория «семантических констелляций» рассматривается как оптимальный комплексный подход к проблеме концепта как базового элемента ментальной жизни человека. *Ключевые слова:* концепт, синергетическая парадигма, когнитивные процессы, семантическая констелляция.

Гречушникова Т.В. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ЭПОХУ МУЛЬТИМЕДИА. Статья посвящена современному использованию экспериментального поэтического текста в рамках различных видов мультимедийной коммуникации. *Ключевые слова:* текст, дискурс, вербальная доминанта, эксперимент, коммуникация, реципиент.

Гуменюк О.А. ЯЗЫК НАУКИ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ. Язык науки рассматривается как динамическая система, средство познания и инструмент закрепления и представления его результатов. При изучении динамического характера языка, обусловленного переводом знаний развивающейся науки с прежнего языка на